

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карл Клаузевиц: два века восприятия

За два достаточно бурных в военном отношении последних столетия фамилия «Клаузевиц» давно уже перекочевала в разряд имен едва ли не нарицательных, а это, наверное, лучше всего и подводит итоги его научной деятельности. Конечно, оттенков его славы достаточно много (ведь его именем называли казармы, газеты, улицы, корабли, институты...), а многие эпитеты далеко не бесспорны, но масштаб эффекта его трудов не осмеливался отрицать даже самый ярый из критиков и его самого, и проклинаемого по обе стороны Атлантики прусско-германского милитаризма. Вероятно, самым логичным следствием этого является то, что спустя существенное время после того, как военная угроза со стороны Германии после двух мировых войн стала безусловно неактуальной, отношение к, казалось бы, хорошо известному военному теоретику стало меняться. Настороженное и вместе с тем деловитое внимание к тезисам клаузевицевской военной теории, вызванное вполне практическими потребностями познания наиболее вероятного противника, сменилось в конце концов отношением к нему лишь как классику стратегической мысли, которому настала пора занять место в ряду политически нейтральных мудрецов прошлого, рядом с Сунь-Цзы или по соседству с Макиавелли. Следующим шагом в этом на-

правлении стали ссылки на клаузевицеские принципы и цитаты из него в руководствах по маркетингу и на бизнес-тренингах. Можно заметить, что за популяризацией всегда идет вульгаризация идей, но даже в таком случае последнее лучше, нежели полное их забвение.

Вероятно, почти любой, кто давал себе труд интересоваться военно-политическими темами, сможет сравнительно точно процитировать знаменитое: «Война — есть продолжение политики иными средствами», положив конец дискуссии этой многократно апробированной формулировкой. На основании этого стремления к восприятию Клаузевица вне его прежней славы, ранее безмерно преувеличиваемой, особенно в Германской империи и в Третьем рейхе, и была предпринята попытка издать не весь главный труд великого пруссака, — весьма объемный и все же ориентированный на пристально интересующихся военной историей наполеоновской эпохи, — но только те его главы и части, что касаются не имеющих локального или специализированного содержания теоретических выкладок. Коротко говоря, насколько это возможно, в данной книге приводятся те фрагменты и главы, которые выискивает читатель, желающий теории, стратегических приемов и принципов, не сводимых исключительно к деталям военного дела, а потому вынужденный в полной версии нетерпеливо пролистывать длинные экскурсы в детали кампаний Бонапарта, мало что говорящие нашему современнику и названиями, и фамилиями, и тем более авторскими полунамёками.

Труды Клаузевица представляют собой чуть ли не уникальную попытку на основе актуального и пропитанного личным опытом политизированного материала создать сухой военно-исторический, рациональный и лишенный политической мифологии (насколько это вообще возможно) обзор. «О войне» представляет собой несомненно блестящий опыт аналитики текущих событий, (почти) лишенный магии имен и лозунгов, написанный без типичных ошибок и предубежденности очевидца. При этом Клаузевиц отнюдь не равнодушен, хотя впоследствии ему даже слишком многое приписывали — например, пристрастие к агрессии, хотя он значительно больше внимания уделял обороне. К сожалению, довольно часто при попытке описать заслуги прусского теоретика забывают указать, что он внес важней-

К. Вах. Портрет К. фон Клаузевица

ший вклад в разъяснение современникам и потомкам того, что нет универсальных рецептов и неизменных «геометрических» правил, по которым гарантирована победа. Разумеется, такие способны понять далеко не все, в том числе и те, кто также полагали себя военными теоретиками. И тем не менее, достойные ученики нашлись: в знаменитой впоследствии формуле одного из создателей Германской империи Мольтке-старшего — «Стратегия есть система подпорок» — видится парафраз рассуждений Клаузевица.

Хочется надеяться, что Клаузевиц не покажется отечественному читателю менее удобным или понятным чтивом, нежели книги других классиков стратегии и геополитики. Основание к этому дает тот факт, что при всех неизбежных особенностях восприятия всякого немецкоязычного теоретического труда именно этот автор был России далеко не чужд, а и история изучения его трудов в России восходит аж к 1836 г. Таким образом, внимание Петербурга трактат «О войне» привлек почти сразу же после его выхода в свет¹. Любителям альтернативной истории вполне можно развлечь себя сюжетом, как бы сложилась военная история последних двух веков, в частности ход Первой мировой войны, проживи Клаузевиц чуть дольше, чтобы поспособствовать продвижению своей доктрины, или останься он на русской службе в 1814 г., или если бы ценивший его Николай I все же избрал в качестве главного авторитета для офицеров основанной им Академии Генерального штаба именно менее титулованного пруссака, защищавшего Россию в 1812 г. Но вместо Клаузевица выбор пал на небесспорного по личным своим качествам, да и по военным талантам швейцарца Жомини, перешедшего на службу к Александру I лишь из рвения к очередным званиям и наградам, да еще когда военная удача уже отвернулась от Наполеона, с которым этот честолюбец сполна испытал трагедию Великой армии. При всех достоинствах русского офицерства императорской армии нет никаких сомнений в том, что на стойкость его, боевой дух, инициативу и умение держаться в лихую для Отечества годину пример Клаузевица повлиял бы как никакой иной. Однако судьбе было угодно распорядиться так,

¹ См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991. München, 1995.

Предисловие

что прусская военная мысль долгое время воспринималась через знаменитое «ди эрсте колонне марширт...» в «Войне и мире» Толстого, — а справедливости ради надо отметить, что при герое, произносящем эти фразы, Клаузевиц действительно состоял некоторое время. Политическое и стратегическое содержание трудов Клаузевица в нашей стране заставил пристально изучать лишь высоко ценивший его (вслед за Марксом и особенно Энгельсом) Ленин, но в совершенно иную эпоху. Дальнейшая же история восприятия клаузевицевской теории в Советском Союзе заслуживает отдельной монографии, впрочем уже упомянутой в сноске, так что к ней остается лишь перенаправить заинтересовавшихся. Что же касается биографий Клаузевица, то и их на русском языке отнюдь не много², а авторства русскоязычного писателя, по-видимому, до сих пор нет вовсе. Это при том, что конечно же недостатка в солидных исследованиях об этом деятеле на иностранных языках (и немецком, и английском и т.д.) нет, но в современных условиях нечасто решаются на перевод толстенных томов. Разумеется, есть большое количество статей, раскрывающих детали жизни и деятельности Клаузевица, особенно на службе России, но в монументальный труд они пока не вылились...

Жизнь и судьба Карла Клаузевица

При всем желании абстрагироваться от частных деталей, безусловно необходимо дать хотя бы краткий обзор жизни и деятельности этого великого военного теоретика, чтобы читателю он не казался ни кабинетным ученым, ни абстрактным любителем военной истории, ни сторонним наблюдателем великих событий, который позволяет себе их столь уверенно разбирать. Даже в самых общих рассуждениях Клаузевица выдаются особенности его биографии, перипетии судьбы его страны, да и всей Европы, а потому, чтобы не лишиться всех результатов его теоретических разработок, читатель просто обязан учитывать ту призму, через которую смотрел на мир этот великий пруссак.

² До сих пор актуальным остается перевод работы Ф. Франца: *Франц Ф. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время.* М., 1956.

Карл Клаузевиц родился в позднефридриховской Пруссии в 1780 г. в семье чиновника, претендовавшего на дворянскую приставку «фон», которую он получил фактически присвоив и далеко не с первой попытки. Уязвленное родовое самолюбие будет преследовать Клаузевица почти всю жизнь, что роднит его с одним из тех, кого называли идейным наследником и практиком его теорий — Э. Людендорфом. Лишь в 1827 г. дворянство военной династии Клаузевицей наконец станет бесспорным. Честолюбие отца, участвовавшего в Семилетней войне и растившего сыновей в преклонении перед Фридрихом Великим, а также его вполне прусское убеждение в том, что главным способом приобрести положение в обществе является военная служба, привели к тому, что и младшего своего сына, вслед за двумя старшими, ставшими впоследствии генералами, он отдал в армию в 12 лет. Поэтому Клаузевица вполне оправданно можно считать участником едва ли не всех антифранцузских коалиций, куда вступала Пруссия. Он принял участие в одной из первых кампаний против революционной Франции, участвуя в боевых действиях под Майнцем уже в 1793 г.

После того, как по Базельскому миру 1795 г. Пруссия на долгое время отказалась от активной борьбы против Франции, полк Клаузевица вернулся к мирному распорядку службы, а к тому времени уже получивший звание офицера юноша смог заняться образованием, которое до того было у него в лучшем случае начальным. В 1801 г. ему удалось поступить в только что открытое военное училище в Берлине, где он заручился покровительством будущего великого реформатора прусской армии и ветерана антифранцузских кампаний Г. фон Шарнхорста. В течение следующих трех лет молодой офицер приобрел необходимые познания и кругозор, вышел на новый уровень интеллектуального развития, не без влияния трудов И. Канта, от проекта вечного мира которого он вполне диалектически и пришел к главной теме своих размышлений — «О войне». После того, как Клаузевиц окончил курс лучшим из своих однокашников, он получил назначение адъютантом бывшего ему почти ровесником принца Августа Прусского, приходившегося племянником Фридриху Великому. Это, разумеется, открыло ему дорогу в высший свет, где Клаузевиц

Предисловие

познакомился со своей будущей женой Марией фон Брюль, не только навсегда упрочившей его статус своим графским происхождением, но и ставшей его редактором и советником, а затем завершившей главное дело жизни супруга, после смерти мужа издав (за свой счет!) громадный, но неоконченный труд.

В сражении с войсками маршала Даву под Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. Клаузевиц бился рядом с командовавшим батальоном Августом Прусским, а также своим учителем Шарнхорстом, пережив сокрушительное поражение прусской армии, ставшее драматическим финалом бывшей прусской славы. Раненый принц, прикрывавший в арьергарде отход остатков разбитой армии, вскоре был взят в плен, а затем вместе с адъютантом доставлен в Берлин, где Клаузевицу довелось выслушивать пренебрежительные фразы Наполеона о том, что он всегда желал мира и не понимает, чего ради вообще Пруссия вступила в войну. Это произвело на молодого патриота неизгладимое впечатление, заставив определиться со своим отношением и к самому завоевателю, и к любым политическим фразам.

Проведя чуть менее года в плену во Франции, где он, крайне болезненно пережив условия Тильзитского мира, продолжил начатые ранее попытки анализа недавних военных кампаний, Клаузевиц вернулся в Берлин, где вскоре вошел в штаб Шарнхорста. После унижительного для Пруссии мирного договора, продиктованного Наполеоном даже не Фридриху Вильгельму III (1797–1840), а его жене, масштабное и принципиальное преобразование вооруженных сил было поручено генералу Шарнхорсту. Его действия наряду с реформами Штейна и Гарденберга подготовили будущее возрождение Пруссии как великой державы. Клаузевиц принял в военных реформах самое активное участие, а Шарнхорст все чаще поручал ему подготовку аналитических записок относительно текущей военно-политической обстановки. Другом Клаузевица стал и еще один выдающийся прусский офицер и создатель армии нового поколения, преемник Шарнхорста на посту главы прусского Генштаба саксонец А. фон Гнейзенау. С 1810 г. майор фон Клаузевиц все более посвящал себя преподаванию тактики и подготовке офицеров Генштаба, став наставником в том числе и для прусских принцев, среди которых был будущий первый кайзер Германской империи Вильгельм I.

В преддверии войны с Россией Клаузевиц, как и многие другие офицеры, просто не смог оставаться на службе в союзной Наполеону армии. Годами они готовили будущий реванш, искали союзников, в знак протеста подавали в отставку или отправлялись на свой страх и риск с предложениями союза в Великобританию, Австрию и Россию. Не дождавшись от малодушного короля Фридриха Вильгельма III согласия на начало маловероятного тогда восстания Пруссии против французской гегемонии, к которому он призывал в своей очередной аналитической записке, Клаузевиц в 1812 г. перешел на русскую службу. Именно здесь судьба преподала ему еще один важнейший для его последующих теоретических штудий урок: он оказался в подчинении у своего соотечественника Карла Пфуля, сделанного Толстым символом оторванной от реальности механистической и линейной военной науки, отставшей от своего века. Лев Николаевич был не вполне справедлив, в размышлениях Пфуля о грядущей кампании против Наполеона было рациональное зерно, однако в чистом виде его построения было воплотить невозможно, а потому план пруссака был отвергнут, а Пфуль вскоре покинул командование действующей армии. Клаузевиц, и сам внесший вклад в дискуссию об авторстве плана стратегического отступления русской армии, ошибочно порой приписывавшегося именно Пфулю, навсегда сделал вывод об опасности увлечения примерами из прошлого, о необходимости быстро и понятно доводить свою мысль до подчиненных и коллег, о важности соотнесения реальности с принципами, на чьи бы авторитеты они ни опирались. После прекратившейся с отъездом Пфуля кабинетной работы Клаузевиц смог, наконец, вновь проявить себя на поле боя. Вскоре он уже сражался под Витебском, а затем были Смоленск, Бородино, где он участвовал во фланговом рейде русской кавалерии, оборона Риги, против которой действовал прусский вспомогательный корпус. Прусский офицер не мог командовать русскими солдатами, не знал языка, но, как и подобает дворянину, исполнял свой долг перед монархом, который взял его на службу, как мог — личным примером, с саблей в руках.

В войска под общим руководством маркиза Паулуччи, губернатора остзейских провинций, действовавшие на рижском направлении, он попросился отнюдь не случайно, по-видимому, планируя на

Мария фон Брюль, жена Карла фон Клаузевица

месте содействовать будущему крушению наполеоновского альянса из сателлитов Франции. Клаузевиц идеально подходил на роль организатора переговоров между прусскими войсками во главе с генералом Йорком и русскими офицерами, тем более что последние были прусского происхождения — Дибич, Дона. История подписания Таурогенской конвенции 30 декабря 1812 г., положенной в основу освобождения от Наполеона всей Европы, не столь однозначна, однако офицер русской службы Клаузевиц несомненно явился одним из творцов перехода Пруссии в лагерь противников Наполеона даже без предварительного согласия ее короля. Этим поступком и Йорк, и ряд других пруссаков фактически совершали государственную измену, однако последующий Калишский договор о русско-прусском союзе и разгром французских войск к апрелю 1814 г. заставили забыть эту историю. Тем не менее, мстительный Фридрих Вильгельм III не забыл своего ужаса зимой 1813 г., когда он оказался зажат между еще грозным Наполеоном и волной антифранцузских восстаний и вплоть до «битвы народов» под Лейпцигом играл роль слуги двух господ. Именно поэтому желание Клаузевица как можно скорее вернуться в родную армию отклонялось вплоть до поздней весны 1814 г., когда сведение старых счетов было уже не в интересах прусского двора, получившего в итоге на Венском конгрессе от раздела Французской империи больше всех. Клаузевиц спустя два года службы России, за которую он вскоре получил орден Святого Георгия, опять был принят в прусскую армию с чином полковника. Это позволило ему в конце концов принять участие в кампании против вернувшегося было на трон Наполеона в 1815 г., став одним из очень немногих солдат, кто прошел всю эпоху революционных и Наполеоновских войн. Своего рода эпическим финалом его участия в боевых действиях стала кампания при Ватерлоо, где (по одной из версий) именно Клаузевиц смог убедить Блюхера, отступая, двигаться на соединение с Веллингтоном, а также до конца притягивал к себе корпус так и не явившегося спасти своего императора генерала Груши. Йена и Ауэрштедт были отомщены. Даже если верна строго обратная версия действий Клаузевица в кампании 1815 г., — согласно которой он призывал к осторожности, что могло стоить Веллингтону

Предисловие

жизни — все же факт остается фактом: 35-летний полковник внес свой вклад в окончательный разгром Наполеона.

В мирное время истинные герои освобождения Пруссии и ее преобразования в годы невзгод были королю уже не нужны и неудобны. Не слишком ценили и их реформы, а потому стали отдалять от двора. Клаузевиц, став в 38 лет самым молодым генералом в прусской армии, оказался в заштатном Кобленце, начальником штаба у своего старого друга Гнейзенау. Именно там он и начал писать главный труд своей жизни, остаток дней посвятив его дополнению и редактированию, на что ему не хватило даже 15 лет. Спустя три года он возглавил Всеобщее военное училище в Берлине, однако преподавать там ему не позволили, что было явным признаком недоверия набиравшей силу партии Реставрации и попросту унижением. 12 лет отдал Клаузевиц администрированию там, где должен был бы обучать будущих офицеров Генштаба, что не помешало активно писать все новые главы «О войне» и труды по военной истории, хотя королю не нравилось всякое упоминание и о катастрофе 1806–1807 гг., и рассуждения о важности проведенных затем реформ. Очередная записка Клаузевица о важности сохранения ландвера, о необходимости поддерживать у подданных ощущение оправданности активного личного участия в защите Отечества, поданная королю в 1819 г., была фактически проигнорирована. Клаузевиц все же остался в этом отношении слишком уж человеком Старого Порядка, он оказался в своей принципиальности достоин И. Канта, учеником которого он может считаться в не меньшей степени, чем Гегель, всегда умевший использовать диалектику и в плоскости личного успеха, и в комфортной гармонии с текущим режимом.

По иронии судьбы такая опала фактически и дала возможность Клаузевицу отдать пятый десяток своей жизни едва ли не целиком науке. Лишь в 1821 г. уже известный военный теоретик был причислен к Генеральному штабу, а в 1827 г. король положил конец двусмысленному положению в вопросе о дворянстве Клаузевицей. Однако утопическое желание Фридриха Вильгельма III, да и ряда других монархов Европы более никогда не иметь дела с революциями, в 1830 г. было окончательно уничтожено серией массовых выступлений у са-

мых границ Пруссии — во Франции, Бельгии, Польше... Назревала масштабная война, а потому Клаузевиц был переведен в Силезию, где под началом все того же Гнейзенау стала формироваться армия на случай боевых действий против польских повстанцев. В ходе русско-польской войны вспыхнула эпидемия холеры, которая перекинулась и на территорию Пруссии. В августе 1831 г. от нее умер Гнейзенау, а принявший от него командование Клаузевиц скончался всего 3 месяца спустя. Была ли это холера или, что вполне возможно, сердечный приступ, до сих пор не выяснено.

Подводя итог этой не самой простой, но стремительной биографии, хочется отметить, что Карл фон Клаузевиц являл собой редкий тип патриота. Его горячая любовь к Родине не мешала ему быть здравомыслящим аналитиком, а готовность к хладнокровной оценке ситуации не превратила его в человека, лишенного каких бы то ни было предпочтений, готового служить сильнейшему или всегда оставаться над схваткой. Характерно, что особенно уникальным этот патриотизм не напоказ, без позерства делает то, что проявлен он был в эпоху рождения современного национализма, в годы вызванного Великой французской революцией и гением Наполеона фихтевского воодушевления взрывом национально-освободительного движения, в обстановке патриотического угара 1813 г. и на фоне формируемого из добровольцев ополчения (фрайкоров). Клаузевиц характером и судьбой, возможно, не так выделяется, как герой антинаполеоновской борьбы граф Йорк фон Вартенбург, однако кто знает, оставил бы в истории этот последний столь заметный след, если бы не его более скромный соратник³... Клаузевица можно и нужно считать человеком на стыке эпох, причем не только фридриховской и наполеоновской, но и начавшейся затем Реставрации. Он, имевший все основания полагать Освободительную войну зенитом своей карьеры, все же не пополнил число «рожденных лишь для 1812 г.», как это стало с многими героями той кампании, а также задержавшимися в эпохе бидермайера ветеранами, хваставшимися подвигами тех лет вплоть

³ См.: Aron R. Clausewitz — Strategie und Patriot // Preußen. Seine Wirkung auf die deutsche Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 41–64.

Предисловие

до 1848 г. так, словно на Святую Елену Наполеона отправили вчера. Истый германский патриот, Клаузевиц оставался пруссаком до мозга костей, его беспрекословную готовность служить королю Пруссии не поколебало даже то, что в ту эпоху на троне был один из худших ее королей за всю историю. Именно поэтому Клаузевица можно считать одним из ее символов, наряду с Бисмарком и Великим Курфюрстом. И дело отнюдь не в том, что ему просто удалось выделиться на фоне эпохи, ведь она была, мягко говоря, не бесцветной. Исполинская фигура Наполеона, как и до него (по меньшей мере для любого немца) Фридриха Великого, казалось, может закрыть любого, кто осмелится рассуждать о военном деле. Однако недостатка в великих современниках Клаузевица не было и в иных сферах — Шиллер, Гёте, Гегель, Гумбольдт, и этот список можно легко продолжить... Наш герой не стремился встать с ними в один ряд, но оказался способен на большее, чем нежели просто превозносить великих. И к гениям, и к проблеме гениев и их роли в истории и политике он оказался способен отнестись аналитически, а не эмоционально. Этим он отличается от большинства своих коллег и современников примерно так же, как профессиональный кинокритик от потребителей блокбастеров.

Разумеется, столь крупная фигура должна была, пусть и посмертно, стать предметом мифотворчества. Есть легенды о том, что это великий Клаузевиц раз за разом предсказывал будущий ход военных действий. На основе его ранних записок с анализом военных кампаний утверждается, что он еще в 1805 г. предсказал тяжелейшие проблемы для Наполеона в Польше и его неперемное поражение в России. Часто повторяют рассказ, что Клаузевиц (ну, чем не Кутузов накануне Аустерлица?) заранее раскритиковал позиции прусской армии накануне Йены и Ауэрштедта, а случайно нашедший его записку после битвы Наполеон бурно радовался тому, что этого неизвестного офицера в командовании пруссаков никто не услышал. Хватало рассказов и о том, что именно Клаузевиц не дал командованию русских армий согласиться на явно преждевременное генеральное сражение, в том числе под Смоленском и уж тем более в Дрисском лагере, тем самым явно пойдя против мнения своего непосредственного начальства из числа прусских военных корифеев... Все эти легенды, как

и всегда в таких случаях, прекрасно отражают лишь позднейший образ их героя, являются попыткой механически перенести в прошлое то, что стало возможным и очевидным впоследствии, а потому недоказуемы, однако и не лишены кажущейся достоверности. В самом деле, отчего же 26-летнему адъютанту Клаузевицу не высказать догадку, что считавшаяся некогда лучшей армия будет разбита, а уже пережившему горечь разгрома своей страны 32-летнему изгнаннику не предупреждать свое новое командование в другой стране об опасности переоценки собственных сил?

Автор нового взгляда на взаимосвязь войны и политики, Клаузевиц в процессе его оценки и встраивания в идеологизированные концепции был окружен и политическим «орнаментом». Разве мог Ленин быть согласен с мракобесом, юнкером или человеконенавистником, ставшим автором идеи тотальной войны? Разумеется, нет, а потому Клаузевиц стал не только идейным создателем прусской новой армии, но жертвой постнаполеоновской реакции. Вряд ли он сам полагал себя жертвой, но и не мог не понимать, что при сложившейся после 1815 г. политической конъюнктуре, — девизом которой была оценка Бурбонам — «они ничего не забыли и ничему не научились», — дальнейшие его усилия по развитию военной мощи Пруссии не могут не казаться излишними, а потому он довольствовался той ролью, что ему оставили, и здесь проявив себя как истинный стратег, а не стяжатель. Может быть, именно поэтому он и способен был писать на темы геополитики тогда, когда Венский порядок, казалось уничтожил своим балансом всякую к тому необходимость. Судьба отвела ему всего 51 год, а ведь Клаузевиц и не думал о завершении карьеры, он ждал новых войн, потрясений, перераспределения итогов Венского конгресса. Вероятно, он многое мог бы сказать о последствиях сворачивания проведенных в разгромленной Наполеоном Пруссии реформ, сказавшихся уже в 1848 г. Однако он не дожил до первой репетиции мировой революции, а потому его наследие воплощали во славу Пруссии и объединения Германии другие. Первое место среди них занимает Г. фон Мольтке, датский офицер, учившийся в Берлинском военном училище, когда там директорствовал Клаузевиц, и только начинавший карьеру офицера Генштаба, когда тот скончался.